
З. А. ТАЖУРИЗИНА

АТЕОФОБИЯ В ИСТОРИИ ХРИСТИАНСТВА И СВОБОДОМЫСЛИЯ

Статья обусловлена неблагоприятным воздействием на духовную жизнь российского общества участившихся фактов нигилистического, агрессивного отношения к религии и верующим, что вызывает, в свою очередь, стремление отдельных деятелей церкви пресечь подобные действия судебным преследованием. Смысл данной статьи – в поиске пути преодоления конфликтов, возникающих на мировоззренческой почве. Одним из факторов враждебности на мировоззренческой почве является веками культивируемая монотеистическими религиями ненависть к инакомыслию, прежде всего к атеизму (безбожию), что оказывает негативное в моральном плане влияние на общественное сознание в целом, в том числе на неверующую часть населения. Осознание пагубности не только религиофобии, но и сохраняющейся в нашей жизни традиции атеофобии является одним из условий преодоления взаимной нетерпимости.

Ключевые слова: атеофобия, христианофобия, религия, христианство, безбожие, инакомыслие, свободомыслие, атеизм, традиция, нетерпимость, веротерпимость, свобода совести.

Принято считать, что монотеистические религии сформировали духовную культуру человечества, подняли на высокий уровень мораль народов, благотворно влияли и влияют на все стороны общественной и частной жизни. Эти представления, имевшие определенные основания в реальной истории человечества, и сегодня воспринимаются значительной частью общества в качестве непререкаемой истины. Соответственно религия как символ духовности противопоставляется безрелигиозной культуре, и прежде всего атеизму как явлению бездуховному и порочному («атеизм – расщепившийся атом зла», как писал православный проповедник Дмитрий Дудко). Именно в нем религиозные идеологи усматривают причины бедствий, постигших современную Россию. Отметим, что

Философия и общество, № 1 2015 140–155

духовность, понимаемая нами не только как достояние религии, но и как восприятие и усвоение личностью и обществом интеллектуальных, моральных, эстетических и прочих достижений человечества, ныне действительно по сравнению с советскими временами находится в глубоком упадке. Одним из проявлений этого упадка является все чаще проявляющаяся агрессивность по отношению к религии и ее служителям, случаи хулиганства, нигилизма, безнравственного отношения к верующим и религии, к сакральным книгам: крестоповалы, пляски в храме, христорчество, циничные антирелигиозные ролики с использованием мата, издевательство над содержанием священных книг. Один из документов Русской православной церкви констатирует: «Христианофобия проявляется в унижении человеческого достоинства и оскорблении религиозных чувств христиан, в возбуждении религиозной вражды к ним и их дискриминации»¹. К сожалению, такие вещи имеют место в жизни нашего общества. Естественно, преодоление подобных отношений мыслится религиозными идеологами как всемерное расширение сферы религиозного влияния.

Но здесь не учитывается одно обстоятельство: значение сложившихся в истории монотеистических традиций, а они неоднозначны в ценностном отношении, что проявилось в сакральных книгах иудаизма, христианства и ислама, в их последующих богословских толкованиях. В Библии, как известно, отразилась жизнь народов Ближнего Востока в эпоху рабовладения. Как и в любом антагонистическом обществе, здесь имели место и насилие, и войны, и мирное течение жизни. В сложившейся тогда морали содержались самые разные предписания. Они нашли отражение, в частности, в представлениях о Боге, его свойствах и его действиях в отношении человечества, в описаниях существовавшего в те времена уклада жизни, в предназначенных для исполнения специфически религиозных (например, четыре первые нормы декалога) и простых нормах нравственности (не убий, почитай отца и мать и т. д.). В сознании и подсознании христиан, принявших Библию в двух ее «Заветах» в качестве жизненного ориентира, оседали и гу-

¹ Проект документа «Отношение Русской Православной Церкви к намеренному публичному богохульству и клевете в отношении Церкви». URL: <http://msobor.ru/document/14>.

манистические, и антигуманные аспекты морали – как вдохновенные слова апостола Павла о любви, так и положения о справедливости истребления целых народов по воле Божьей, о возможности издевательств над человеком во имя его «испытания»², о жестоком подавлении любого сопротивления господствующим, установленным сверхъестественной силой порядкам.

Невольно на ум приходит высказывание А. В. Кураева: «Служение Богу бывает разным – бессовестно-инквизиторским, а бывает совестным»³. Первый аспект сказанного ныне замалчивается, а между тем он имеет длительную историю, до сих пор оказывающую влияние на жизнь общества, где религия занимает значительное место⁴. И одним из проявлений «бессовестно-инквизиторского» служения Богу является ненависть к вольнодумцам, атеистам, вообще к инакомыслящим, выплескивавшаяся веками со страниц богословских и религиозно-философских сочинений.

В данной статье речь пойдет лишь об одном из элементов идеологии господствующих слоев – нетерпимости в отношении к любым взглядам, подрывающим устои классового общества, что на практике выражалось в физическом и моральном насилии над инакомыслящими. Религия, которая использовалась для укрепления этого общества, не только не нейтрализовала нетерпимость в отношении инакомыслящих, но и усугубила ее, придав ей сакральный смысл, превратив ее в догму. Ныне эта традиция получила название «атеофобия». Особо надо отметить, что семена ее вьедались в плоть и кровь, в сознание и подсознание не только теологов и рядовых верующих, но и противников религии.

Термин «атеофобия» (от греч. ἄθεος – безбожник и φοβέο – устрашать, пугать, обращать в бегство) – сравнительно новый, но

² К. Г. Юнг, выявляя психологические особенности мифологических образов, в которых отражены реалии человеческих характеров, обрисовал психологический «портрет» ветхозаветного Бога в его отношении к Иову: Яхве «морально эластичен и ненадежен», «готов на клятвopеступление», предательство, несправедлив. «Он быстро предает своего верного раба в руки духа зла, погружает в бездну мучений...» (см.: Юнг К. Г. Ответ Иову. – М., 2006).

³ Диакон А. Кураев. Диспут с атеистом. – М.: Сретенский монастырь, 2007. – С. 197.

⁴ «Бессовестно-инквизиторский» характер «служения Богу» выявлялся в работах многих вольнодумных мыслителей последних трехсот-четырёхсот лет. Одну из последних книг, посвященных этой проблеме (см.: Дженкинс Ф. Войны за Бога. Насилие в Библии. – М., 2013), написал специалист по религиоведению Филипп Дженкинс.

начинает распространяться в религиозной литературе⁵. Общий смысл употребляемого ныне термина – выражение неприязни, доходящей до ненависти и преследований, к атеизму и атеистам, шире – к инакомыслящим, в том числе к инаковерующим. С расширенным пониманием слов «атеизм», «безбожие», «атеисты» как понятий, включающих другие, не специфически атеистические формы религиозной оппозиции, мы встречаемся уже в сочинениях христианских апологетов: под «безбожниками» имеются в виду те, кто верит во многих богов (язычники); кто верит в одного Бога, но не признает христианского (например, иудеи); еретики; наконец, собственно атеисты.

Неприязненное отношение к инакомыслящим присуще в той или иной мере всем национальным и мировым религиям, каждая из которых считает себя исключительной, истинной, и в каждой – свои формы атеофобии, в основе которой лежит стремление господствующих слоев сохранить порядки, обеспечивающие их благополучие.

Традиция атеофобии в христианстве и соответственно в регионах его распространения восходит к Ветхому Завету: «Сказал безумец в сердце своем: “Нет бога”. Они развратились, совершили гнусные дела» (Пс. 13:1; 52:2). Эта формула сакральной книги стала императивом в отношении к инаковерующим и – шире – к инакомыслящим вообще⁶. Однако свою роль сыграло и учение одного из немногих философских авторитетов христианства – Платона, который противопоставил «благочестивых», верящих в богов, «нечестивым». «Нечестивые» – это те, кто не признает существования богов, а также те, кто, веря в их бытие, отрицает их вмешательство в человеческие дела. Философ считал «нечестивых» одержимыми болезнью. В то же время они расценивались им как государственные преступники, провоцирующие смуты в обществе.

⁵ См.: Ботвинник Е. Г. Мировоззренческие ориентации творческой интеллигенции в отношении религии и атеизма. – Пермь, 1993; Писманик М. Г. Сложные аспекты в преподавании религии и атеизма // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – М., 2010. – № 3. Шелнин А. Г. Атеофобия и ателофобия // Проблемы российского самосознания. Религиозные, нравственные и правовые основы культуры. – Ч. 2. – Пермь, 2012.

⁶ «Как же не признать всякому безбожными тех, кого и божественное Писание обвиняет в нечестии», – писал Афанасий Великий (Афанасий Великий. Творения. – Ч. 1. – Свято-Троице-Сергиева Лавра, 1902. – С. 144). И далее: «Языческое идолослужение есть безбожие и нечестие» (Там же. – С. 178).

Платон обосновал и необходимость наказаний для безбожников: это смерть, в лучшем случае – тюрьма⁷.

Христианство унаследовало подобный подход к «безбожию»: это социально-политическое зло; психологический и гносеологический изъян (безумие, невежество); наконец, нравственный порок. Но главным основанием для преследования инакомыслящих становится их обвинение в связях с дьяволом, искушающим нестойких в вере людей: «...противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить» (1Пет. 5:8). Кирилл Иерусалимский строго предупреждал: «Змей на пути наблюдает за проходящими; смотри, чтобы не угрыз неверием»⁸. С превращением христианства в официальную религию этот тон становится к тому же угрожающим; в соответствии с сюжетами Ветхого Завета обосновывается мысль о допустимости наказаний вплоть до смертной казни. «Добрым семенем» считаются «сыны Царствия», посеянные «Сыном Человеческим»; им противопоставлены «плевелы – сыны лукавого: враг, посеявший их, есть диавол» (Мф. 13:37). Уже в этих словах заложено отношение ко всему нехристианскому как к дьявольскому, хотя на практике это далеко не всегда и не всеми последователями христианства реализовывалось. Но обличение «дьявольского» как абсолютного зла оправдывало любые бранные слова и выражения в адрес «сынов лукавого» и соответствующие действия вплоть до физического устранения этих «сынов».

С самого начала христианства, когда оно вынуждено было защищаться, чтобы выжить, его образованные последователи – апологеты – отражали атаки своих противников, не стесняясь в выражениях. Неуважительный, оскорбительный, унижающий язычника, или еретика, или атеиста тон становится общепринятым и с течением времени все более и более изощренным. Слова «гнусный», «отвратительный», «развратный» и подобные им применительно к неверию, «язычеству», позже – даже к христианским ересям становятся устойчивым штампом в сочинениях защитников христианства.

Для дискредитации «безбожников» прибегали к невероятным измышлениям. «И Эпикур также, вместе с учением безбожия, – сказал Феофил Антиохийский (II в.), – советуется совокупляться

⁷ Платон. Законы 9, 10.

⁸ Кирилл Иерусалимский. Творения. – Сергиев Посад, 1883. – С. 19.

с матерями и сестрами», «..и мужчинами, и таким учением наполняли библиотеки»⁹. При этом проявлялась неприязнь не только к отдельным безбожникам, но и к целым народам, которым приписывалась связь с нечистой силой. «Таковы вы, эллины, – писал Татиан (II в.), – на словах болтливы, а умом глупы», «демоны... оболестили неведением и пустыми вымыслами души ваши»¹⁰. Зло вышло первоначально из Греции, пишет Лактанций, это легкомысленная по своей природе нация, создавшая лживое святотатственное богословие; римская религия – позорная и гнусная. Иоанн Златоуст (IV – нач. V в.) заметил, что до принятия христианства «народ языческий и не считался народом по своей презренности, по невежеству и безумию». О «гнусных египетских обычаях» пишет Афанасий Великий¹¹ (IV в.). Особенно доставалось евреям. Лактанций клеймил их, называя «нечестивым и неблагодарным народом»¹². «Великим вероломством и бесстыдством» наделял иудеев Иоанн Златоуст; их, «распявших Христа», называл псами, животными, «годными только для заклания», а синагогу – «вертепом разбойников и логовищем зверей, жилищем демонов». «Как же иметь общение с распявшими Его? – говорил Иоанн. – Их надо ненавидеть вместе с их синагогами», они «мерзки и нечисты»¹³.

Одним из эффективных средств борьбы против «безбожия» дохристианских религий было разрушение священных объектов – храмов, изображений, рощ, а иногда и поселений «язычников». Трагические события, вызванные деяниями «людей, что носят черные одежды», которые в разных городах и деревнях империи разрушали предшествующую культуру, впечатляюще описал древнегреческий ритор Либаний (IV в.): христиане валили стены домов, «выдергивали из земли жертвенники, а жрецам приходилось молчать или умирать». Подобно бурным потокам, говорит Либаний,

⁹ Феофил Антиохийский. Три книги к Автолику // Сочинения древних христианских апологетов. – СПб., 1999. – С. 174.

¹⁰ Татиан. Речь против эллинов // Сочинения древних христианских апологетов. – СПб., 1999. – С. 23.

¹¹ Афанасий Великий. Творения. – Ч. 1. – Свято-Троице-Сергиева Лавра. – 1902. – С. 156.

¹² Лактанций. Божественные установления. Книги I–VII. – СПб., 2007. – С. 251.

¹³ Св. Иоанн Златоуст. Против иудеев / Св. Иоанн Златоуст // Творения. – Т. 1. – Кн. 2. – СПб., 1898. – С. 699, 649 и др.

проносились они по деревням, унося с храмами и селения. Христиане сами творили суд и сами выступали в роли палачей, добивались, чтобы приняли их веру¹⁴.

К этому времени идеологическое оправдание таким действиям было уже основательно подготовлено трудами христианских апологетов. Татиан, Афинагор, Мелитон Сардский и другие призывают к истреблению прежней культуры (и она истребляется реально), иные предрекают ее уничтожение судом Божьим. И даже Климент Александрийский (II в.), стремившийся к соединению христианства с философией (только не эпикурейской!), узнав, что натурой для скульптуры Фидия послужил «беспутный юноша», а Афродита Праксителя оказалась подобием любовницы скульптора Фрюны, возмутился: «Тебе не остается, следовательно, иного выбора, как или разбить эти произведения на куски, или поклоняться гетерам»¹⁵. Общеизвестны факты уничтожения Александрийской библиотеки, сожжения библиотеки Константинопольской вместе с двенадцатью учеными, зверского убийства женщины-ученого – математика и философа Гипатии...

Несколько позже Кирилл Александрийский (конец IV – первая половина V в.) предлагал не только «охотно нападать на идолов, разрушать капища и за ничто считать эллинские святыни», принадлежавшие «людям умоповрежденным», но и призывал осуждать их «на смерть, как диких зверей», ссылаясь при этом на ветхозаветные тексты (Исх. 21:17; Втор. 24:1)¹⁶. Иоанн Златоуст настаивал на том, чтобы «уничтожить отеческие обычаи» народов; «свергнуть владычество сладострастия и силу нечестия, как прах;

¹⁴ Либаний. К императору Феодосию в защиту храмов / Либаний // Речи. – Казань, 1914. – С. 202–206.

В тот же период император Феодосий II (первая половина V в.) издает указ: «Мы повелеваем и даем официальное распоряжение: все их святыни, храмы и святилища, буде таковые уцелели, разрушить и очистить установлением на их местах знаков уважаемой христианской религии» (цит. по: Дешнер Н. Криминальная история христианства. – М., 1999. – Т. 2. – С. 41). «Грамматиков, софистов, адвокатов, медиков без разбора кидали в тюрьмы, принудительно крестили, секли плетьюми, а иногда казнили. Статуи богов и языческие книги публично сжигались», – пишет известный германский исследователь К. Дешнер (Там же. – С. 343).

¹⁵ Климент Александрийский. Увещание к эллинам / Климент Александрийский // Кто из богатых спасется. Увещание к эллинам. – Ярославль, 1888. – С. 116.

¹⁶ Творения св. Кирилла Александрийского. – Ч. 1. – М., 1880. – С. 303; Ч. 2. – М., 1882. – С. 67.

жертвенники, капища, идолов и их службы... развезть, как дым»¹⁷.

Библейские предписания позволяли и на Руси внедрять христианство посредством уничтожения предшествующей культуры.

Христианство ослабило благотворное влияние светской античной культуры (а она являла значительный пласт греко-римского духовного наследия) на мировую культуру¹⁸, в течение веков препятствовало свободному доступу к античному искусству, художественной литературе и вольнодумной философии, хотя интерес к последней проявляло немало схоластов. Тонкая струйка античной культуры с трудом пробивалась сквозь толщу фолиантов средневековых схоластов.

Заложенная в древние времена традиция морального и физического преследования инакомыслящих в последующие века взрастила жесткий авторитаризм, неприятие и насильственное отторжение неугодных официальным церковным властям мнений и суждений, а также стремление к физическому истреблению вольнодумцев, в первую очередь неверующих. В XIII в. в Испании в своде феодальных законов «Семь партид» партида о еретиках особо выделяла тех, «кто вообще не верует», и это – «негодные люди, думающие, что душа умирает вместе с телом, и те, кто так думает, хуже животных... Их надо передать светским властям и те должны наказать их таким образом: если был закоренелым еретиком, то его надо сжечь на огне так, чтобы он умер»¹⁹.

Атеофобия поддерживалась не только государственной властью, но и авторитетом интеллектуалов высокого класса – богосло-

¹⁷ Иоанн Златоуст. Против иудеев и язычников / Св. Иоанн Златоуст // Творения. – Т. 1. – Кн. 2. – М., 1991. – С. 635–636.

¹⁸ В то же время не следует забывать и о следах положительного влияния античной культуры на христианское богословие, о чем поведал в своем основательном труде «История христианского просвещения в его отношениях к древней греко-римской образованности» (Вып. 1–3, 1885; 1890; 1892) еще В. В. Плотников (архим. Борис), опиравшийся не только на первоисточники, но и на соответствующие работы зарубежных историков теологии и философии (книга переиздана московским издательством URSS в 2011 г.). В наши дни эта тема успешно развивается в труде В. Я. Саврея «Александрийская школа в истории философско-богословской мысли» (М., 2009), а также в трех серьезных исследованиях в форме учебных пособий, посвященных Александрийской, Каппадокийской и Антиохийской школам (М.: Изд-во МГУ, 2012).

¹⁹ История средних веков (V–XV века): хрестоматия / сост. В. К. Степанова, А. Я. Шевеленко. – М., 1969. – С. 230.

вов и религиозных философов, обеспечивших тем самым благополучные условия для самореализации и житейский комфорт. В течение веков атеофобия с ее моральным изъяном оседала в подсознании людей, принадлежащих к самым разным социальным слоям, превращаясь в одну из характеристик общественного сознания. Атеофобский стиль общения усваивался независимо от того, какие мировоззренческие или политические позиции занимал человек. Многовековая практика атеофобии, во многом связанная с догматизмом монотеистических религий, отражалась даже во взаимоотношениях между последователями разных ветвей одной и той же религии, допуская возможность применения насилия по отношению к своим собратьям: официальная церковь и ереси, шииты и сунниты, католики и гугеноты, никониане и старообрядцы и т. д. Конечно, не последнюю роль играли при этом экономические и политические притязания, нуждавшиеся в религиозном обосновании и оправдании.

В 1204 г. католические рыцари-крестоносцы, которым папа римский Иннокентий III заранее отпустил все грехи, захватили и разграбили столицу православной Византии – Константинополь, кровью его жителей залили город. Все, связанное с православием, не было для «латинских пилигримов» священным: ни люди, ни храмы. Их страшные преступления, в том числе бесчинства в храмах, описал очевидец свершавшегося Никита Хониат: «Вот какая-то бабенка, <...> гудок неприличных, соблазнительных и срамных напевов, хулительница Христова, уселась на сопрестолии, распевая свою визгливую мелодию, и потом бросилась в пляску, быстро кружась и потрясая ногою»²⁰. Ясно, что поведение «бабенки» побуждалось и поощрялось «латинскими пилигримами», которые предавались «неистовству против всего священного».

²⁰ Никита Хониат. История. – СПб., 1860–1862. – Т. 2. – С. 322–323.

Умберто Эко, известный специалист по культуре Средних веков, описал эпизод с «бабенкой» в романе «Баусолино» (М., 2005. – С. 24): крестоносцы «стервенели у алтарей»; «в глубине, на амвоне, ныне открытом всем на свете взорам, похабничала какая-то блудница, по-видимому охмеленная дурманом, плясала босиком на причастном престоле, изображая церковную службу. Мужчины вокруг хохотали и подзуживали, чтобы она сняла последние одежды». В принципе то же самое через восемьсот лет – пародию на церковную службу – воспроизвели участницы «Пусси Райот».

В силу исторических обстоятельств не избежала гонений на инакомыслящих и православная церковь в России. Епископ Новгородский Геннадий в Послании к Зосиме через три столетия скажет о своих братьях-христианах, новгородско-московских еретиках: им подобают двойная казнь и проклятие; надо казнить еретиков, жечь и вешать, советуя поступать с еретиками так, как «король Гишпанский» очистил свою землю.

В аннотации к «полемиически острой, богословски глубокой, живой и ярко написанной» книге Иосифа Волоцкого «Просветитель, или обличение жидовствующих», говорится, что ее автор «актуален и сегодня», поскольку нападки на православное учение «повторяются в наши дни с новой силой со стороны бесчисленных сект, ересей и “новых” религиозных и безрелигиозных учений». Замечу, что сочинение Иосифа Волоцкого достойно того, чтобы с ним ознакомилось как можно большее количество людей, это позволило бы более объективно оценить отношение церкви к инакомыслящим соотечественникам. «Слова» 13, 14, 15, 16 в «Просветителе» дышат жестокостью, пытками, смертью. Иосиф доказывает необходимость беспощадного отношения к еретикам многочисленными ссылками на Библию, на сочинения отцов церкви и на постановления церковных соборов. Собранные на небольшом книжном пространстве, эти ссылки производят жуткое впечатление. Здесь еретиков «секут мечом», «предают огню», «обрезают языки» или же «казнят иной казнью». И далее: «...сами православные, узнавшие о еретиках или отступниках, но не предавшие их судьям, подлежат смертной казни»²¹. Собор 1504 г. принял решение о наказании русских инакомыслящих христиан сожжением и тюрьмами. В 1504 г. «сожгоша в клетке диака Волка Курицына, да Митю Коноплева, да Ивана Максимова декабря 27-го, а Некрасу Рукавову повелеша языка урезати и в Новгороде в Великом сожгоша его. Тое же зимы анхимандрита Касиана Юрьевского сожгоша и его брата и иных многих еретиков сожгоша...»²²

²¹ Иосиф Волоцкий, преп. Просветитель. – М.: Изд. Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994. – С. 323.

²² См.: Казакова Н. А. Очерки по истории русской общественной мысли. – Л., 1970. – С. 102; Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV – начала XVI века. – М.; Л., 1955. – С. 54.

Укоренившиеся в обществе антигуманные традиции, особенно поддерживаемые его верхушкой, продолжают сохраняться в течение очень долгого времени. В начале 90-х гг. XX в. по благословению патриарха Алексия II вышла в двух изданиях книга архиепископа Серафима (Соболева), написанная им в эмиграции в 1930-е годы, – «Русская идеология», где автор выражал надежду на то, что советская власть в России когда-нибудь падет и тогда, писал он, «в будущем государственном законодательстве России нужно предусмотреть закон, сурово – вплоть до смертной казни – карающий пропаганду атеистических воззрений»²³.

В наши дни никто не требует смертной казни за пропаганду атеизма, пока за «оскорбление чувств верующих» наказаны арестом, судом и заключением в тюрьму три девицы, отплясавшие и пропевшие нехорошие частушки в православном храме. Архиерейский собор Русской Православной Церкви издал 4 февраля 2011 г. документ под названием «Отношение Русской Православной Церкви к намеренному публичному богохульству и клевете в адрес церкви»²⁴. Богохульством названо «оскорбительное или непочтительное действие, слово или намерение в отношении Бога и церкви». Намеренное богохульство, согласно документу, – «стремление опорочить христианское вероучение», а одна из его форм – клевета на церковь. В связи с этим Архиерейский собор подчеркивает «противоправность богохульного или кощунственного высказывания» и предлагает «обращаться в правоохранительные органы с просьбой возбудить уголовное дело». Авторы документа ссылаются на слова апостола Павла, разъясняя, что под богохульством понимается также «всякое отпадение от веры», и далее называют его «одним из самых тяжелых нравственных преступлений». В другом документе²⁵ говорится о праве церкви «давать нравственную оценку политическим программам и заявлениям, особенно тогда, когда речь идет об открытой или скрытой пропаганде безбожия...». Оче-

²³ Архиепископ Серафим (Соболев). Русская идеология. – М., 1992. – С. 100.

²⁴ См.: Официальный сайт Московской Патриархии [Электронный ресурс]. URL: www.patriarchia.ru/db/text/1401898.html.

²⁵ См.: Практика заявлений и действий иерархов, духовенства, монашествующих и мирян во время предвыборной кампании. Проблема выдвижения духовенством своих кандидатур на выборах // Официальный сайт Московской патриархии [Электронный ресурс]. URL: www.patriarchia.ru/db/text/1400896.html.

видно, эта оценка будет негативной, что допускает возможность возбуждения уголовного дела против «пропаганды безбожия»²⁶. Расплывчатость понятий «богохульство», «отпадение от веры», «скрытая пропаганда безбожия» допускает возможность подвести под богохульство любое критическое высказывание в адрес религии и церкви. Возникает опасение, что авторы документов станут рассматривать и публичные высказывания типа «Бог есть творение человеческой фантазии» как «непочтительное слово», а уроки дарвинизма – как «скрытую пропаганду безбожия» со всеми вытекающими отсюда юридическими последствиями. Это к вопросу о силе религиозных традиций.

И в то же время в постановлении Архиерейского собора от 4 февраля 2011 г. есть положение о том, что «не должны преследоваться люди, допускающие критику тех или иных религиозных мировоззрений». Несмотря на туманную формулировку («тех или иных», под которыми может подразумеваться традиционно критикуемое православием иноверие), эта фраза дает надежду на то, что наказания за вышеприведенные публичные высказывания атеисты смогут избежать. Замечу, что заявленный даже в такой форме отказ от преследования тех, кто критикует «те или иные религиозные мировоззрения», есть результат свободомыслия, к которому, кстати, было причастно немало богословов и религиозных философов.

В процессе развития европейского общества в сознании и поведении населения проявлялись противоположные тенденции: с одной стороны, дискриминация инакомыслящих нередко приобретала все более жестокие формы, с другой – среди христиан находились люди, терпимо относившиеся к инакомыслящим, и их число постепенно увеличивалось. Так, в XII в. Пьер Абеляр считал возможным диалог между христианином, иудеем и язычником (философом)²⁷.

²⁶ В документе о богохульстве есть вполне здравая мысль о том, что самым действенным способом противодействия богохульству является личный пример жизни христиан. Было бы весьма полезным для нашего общества, если бы авторы документа, сосредоточившись на этой мысли, конкретно ее разработали.

²⁷ См.: Абеляр П. Диалог между Философом, Иудеем и Христианином / П. Абеляр // Теологические трактаты / пер. С. С. Неретиной. – М., 1995. Любопытно, что учитель Абеляра, Гильом из Шампо, в своем сочинении «Диалог между Христианином и Иудеем о католической вере» убеждал иудея принять католическую веру, «оставив нечестие иудаизма». Иудеи, по мнению Гильома – «народ жестоковыйный», «презренные слепцы»; своему собеседнику он грозит адом: «...ты, жалкий, будешь гореть в огне, покуда надменным умом

Движение итальянских гуманистов XV–XVI вв., многие из которых оставались христианами, открыло прямой путь к разработке идеи равенства различных религий, а следовательно, к веротерпимости и – шире – терпимости и уважению к инакомыслящим.

В то же время традиция атеофобии в духовной жизни Европы и России преодолевалась с невероятным трудом. Это сказывалось даже в том, что известные мыслители, заслужившие славу вольнодумцев, считали своим долгом не только «откреститься» от обвинений в атеизме, но и присоединиться к господствовавшей традиции. Когда мы читаем сочинения светочей европейской свободомыслящей философии XVII в., то обнаруживаем, что Джон Локк в сочинениях «Опыт веротерпимости» и «Послание о веротерпимости», заняв прогрессивную позицию веротерпимости, осуждает нетерпимость к разным мнениям и суждениям, но отказывает в терпимости атеистам (те, кто не признает существование Бога, не имеют права на терпимость), а Энтони Коллинз, из XVII столетия уже перешагнувший в XVIII в., в «Рассуждении о свободомыслии» провозглашает, что «свободомыслие в отношении к религии есть долг всех людей», и в то же время называет атеизм редким чудовищем, ложным суждением (ссылаясь при этом на те же сакральные слова: «Сказал безумец в сердце своем: нет Бога»). Это неудивительно: преобладающая атмосфера в обществе не всегда дает возможность выйти за пределы стереотипов – интеллектуальная сфера даже просвещенного XVIII в. заполнена теологическими сочинениями типа «Глупость атеизма», где такие суждения, как «нет ничего более черного, чем сердце атеиста, ничего более лживого, чем его ум», превратились в общее место. «Атеизм – плод нечистой совести», для атеиста добродетель – призрак, честность – пустой звук... Фрагменты подобных сочинений приводит П. А. Гольбах в «Системе природы»²⁸.

Но ведь подобные оценки атеизма – один к одному то, как через столетие отнеслись к неверию знаменитые русские религиоз-

отвращаешь благодать Божию». (См.: Антология средневековой мысли. Теология и философия европейского Средневековья: в 2 т. / под ред. С. С. Неретиной. – СПб., 2001. – Т. 1. – С. 265, 272, 266.)

²⁸ Гольбах П. Система природы / П. Гольбах // Избр. произв.: в 2 т. – Т. 1. – М., 1963. – С. 616–624.

ные философы – Вл. Соловьев, С. Н. Булгаков, А. И. Введенский, В. В. Зеньковский, не очень знаменитый Димитрий Панин и другие в то или иное время несогласные с официальным православием. Они тоже скажут, что атеизм – духовная слепота, ведущая к разложению личности, глубокому параличу воли и нравственного чувства, и главное – к дьяволическому; что он ведет к преступлению, убийству физическому или нравственному и т. д. Эти суждения по своему смыслу и даже по отдельным выражениям – штампы, неизменные со времен Ветхого Завета. Они ограничивают взгляд философа на природу человека, препятствуя развитию науки о человеке, не позволяют взглянуть во внутренний мир вольнодумца. Вполне объяснимый пиетет и части нынешней интеллигенции перед русской религиозной мыслью способствует также усвоению ограниченных, примитивных взглядов на свободомыслие, а значит, на духовную культуру в целом.

Атеофобия оставила след на свободомыслии и в другом отношении: религиозная ненависть к инакомыслящим, выразившаяся в самых разных формах (в лексике, в насилии, физическом или нравственном), сказывалась и на особенностях мышления и поведения многих вольнодумцев. Конечно, в основном подобные процессы обусловлены классовыми отношениями, однако духовная атмосфера, отягченная враждебностью в отношении некоей социальной группы, ведет к ухудшению природы всего человечества. К сожалению, атеофобия всегда вызывала, не исключая и наше время, ответную – зеркальную по своим формам – реакцию многих (не всех, естественно) критиков религии, переходящих нормы здравого смысла и приличий. Так, в период французской буржуазной революции народ издевался над священниками, разрушал церкви, а революционные интеллектуалы не жалели оскорбительных слов в адрес религии и ее служителей. Примерно та же стихия захватила часть населения нашей страны в период революций 1905 и 1917 гг.

Как видим, зараженность общества недоброжелательством на почве различий в мировоззрении во многом определена традицией атеофобии, которая в свою очередь способствует появлению не менее агрессивной теофобии, христианофобии. Вместе с тем свободомыслие постепенно вырывалось из этой своеобразной зависимости от христианской традиции отношения к инакомыслящим, выработывая собственный стиль вербальных, нравственных, поведен-

ческих отношений с религией и ее последователями. Это научность, объективность, внимание к человеку, защита человеческого достоинства, гуманизм, высокая нравственность. Последнее ярко выражено уже Гольбахом в заключительной главе книги «Система природы» («Резюме кодекса природы»); не случайно монах Лопухин (конец XVIII в.), восхищенный высоким зарядом нравственности этой главы, перевел ее на русский язык.

Свободомыслие прокладывало путь религиозоведению: даже в Средние века в критике теологии содержались элементы знаний о религии, которые постепенно накапливались, хотя атеофобия ставила заслон на пути развития этих знаний.

Последние два-три века в результате социального прогресса и распространения свободомыслия происходит некоторое ослабление атеофобии, что проявляется в основном в уменьшении числа грубых выпадов против атеизма в официальных документах, выступлениях служителей религии и рядовых верующих. Во многом это заслуга свободомыслия. Преодолевая пагубное влияние атеофобии, становясь все более состоятельным в нравственном и интеллектуальном плане, свободомыслие оказывало положительное влияние на творчество многих теологов, гуманизируя христианство. Некогда Г. В. Ф. Гегель, говоря о переходе «превратных и неморальных представлений» иудаизма в теорию и практику христианской религии, заметил: «И за то, что ее мрачная сварливость, ее нетерпимость и ее самомнение были ослаблены, мы должны благодарить не священников, а философию, которая в силу этого вызывала их ненависть, и более мягкую атмосферу наших дней»²⁹. Влияние свободомыслия отразилось в современных (XX – начала XXI в.) уходящих от ортодоксальности учениях ряда религиозных философов (Д. Бонхеффер, П. Тейяр де Шарден, Дж. Робинсон, Г. Кюнг и др.), в теологии освобождения, в политической теологии и т. д. Б. Рассел не без оснований полагал, что «современный христианин менее злобен, но этим он обязан не христианству, а поколениям вольнодумцев, которые с эпохи Ренессанса и вплоть до наших дней заставляли христиан устыдиться многих своих традиционных верований»³⁰.

²⁹ Гегель Г. В. Ф. Эстетика. – М., 1973. – Т. 4. – С. 31.

³⁰ Рассел Б. Почему я не христианин. – М., 1987. – С. 123.

Но была ли в чем-либо позитивной атеофобия? Парадокс: ее позитивный аспект можно усмотреть в том, что она, будоража религиозный застой в культуре, своими притеснениями светской культуры и ее носителей невольно выковывала новый тип человека, героизм которого состоял вовсе не в «самообождении», как об этом писал С. Н. Булгаков, но в гражданском и интеллектуальном мужестве, которое стало явным после суда над великими вольнодумцами Джордано Бруно и Джулио Чезаре Ванини и их казни. Они во многом изменили мнение общества об атеистах. Это мнение было отражено в творчество П. Бейля, положившего начало научному, философскому интересу к внутреннему миру и поведению «безбожников».

Вывод: современная ситуация как никогда в прежние времена требует объективного, научного подхода к религии, атеизму и их традициям. Религиозные организации должны соблюдать «Закон о свободе совести», отказаться от попыток ущемления прав атеистов, от обвинений атеизма в бездуховности, агрессивности, аморализме, от стремления ограничить место и роль научных знаний в учебных заведениях. Требование наказаний за пресловутое «оскорбление чувств верующих» есть не что иное, как попытка возрождения в новой форме прежних традиций расправы с еретиками. И если в современном обществе обнаруживаются агрессивные формы проявления неприязни к религии и верующим, то подобное «оскорбление чувств верующих» во многом (не во всем, конечно) обусловлено традицией атеофобии и не идет ни в какое сравнение с многовековой религиозной традицией морального и физического истребления свободомыслящих. Как показывает исторический опыт, пока существуют антагонистические отношения между классами, преодолеть религиозную и антирелигиозную нетерпимость будет трудно.